

Глобальные проекты: утопии, антиутопии, альтернативы*

Человеческая история знает много примеров создания и даже попыток осуществления проектов улучшения жизни и усовершенствования человека с помощью введения тех или иных мер, часто не имевших прецедентов в предыдущей истории. Нередко это были именно утопии как проекты, продиктованные нетерпеливым желанием в предельно короткие сроки создать новое общество, новый порядок. И хотя подобные проекты создавались «из лучших побуждений» и «благих намерений», однако часто означали необходимость платить очень, или даже слишком, высокую цену – за счет высочайшего напряжения и даже перенапряжения сил людей и самого общественного организма выстроить общество на каких-то искусственно привнесенных началах и принципах. И хотя это всегда диктовалось теми или иными рациональными основаниями, однако отнюдь не всегда эти основания покоились также и на соображениях гуманности и справедливости. Холодную же отвлеченность мысли не всегда было легко вынести в практической жизни. И потому случались резкие откаты назад, в еще худшее состояние. Учитывая исходные соображения, подобные проекты именовали утопиями, но весьма часто по результатам реформирования они оборачивались антиутопиями. Такие проекты могли быть основаны как на разуме и достижениях науки, так и на законах, изложенных в древних, почитаемых священными, книгах.

---

* Работа выполнена при поддержке РГНФ, грант № 09-03-00299а «Идеология и процессы социальной модернизации».

Наряду как с экзотическими экономическими, так и brutальными социальными моделями, в истории присутствуют и другие модели, в частности, имеющие религиозное происхождение и предлагающие построение на Земле единого теоцентрического общества, а также проекты современного кастового устройства, основанные на признании не социального, но духовно-психологического неравенства людей; в них предлагается деление общества на своеобразные касты типа древнеиндийских, но не «по происхождению», а по способностям, возможностям и заслугам. Каждая из таких каст имеет свои, четко определенные функции в обществе и, в свою очередь, делится по «укладам», как бы отмечающим возрастные периоды человека. Нечто подобное, но по профессиональному принципу, закрепляемому в поколениях, существовало, например, в древней Японии. Очевидно, проекты подобной направленности связаны с идеализацией характерных для Востока принципов традиционной социальной организации.

На «маргиналиях» современной западной социально-философской литературы развивается и довольно эксцентричная идея, усматривающая возможность иной перспективы. Ведь совершенствовать человека, преобразовывать общество, чтобы спасти мир, – слишком большая работа с отнюдь не гарантированным положительным исходом. Не проще ли, как пишет, например, Жак Парвулеску, предоставить человечеству развиваться, как оно того хочет и может, а все усилия направить на осуществление мутации замкнутой группы избранных, подготовив соответствующую элиту для управления обществом и поддержания его творческого потенциала в отношениях с миром? Это будет избранная раса творцов, закрытое для остальных сообщество практически земных богов; остальные же, так сказать, безнадежные в плане мутационного проекта, очевидно, будут обречены в лучшем случае на роль обслуживающего персонала – это будет служебная раса людей. Пока подобный план существует лишь как проект, напоминая сюжет фантастической повести, однако с легализацией клонирования, экзотических направлений генной инженерии и т. п. технологий подобный план вполне может обрести реальные очертания¹. Представляется, что от известного проекта общества «устойчивого развития» данный проект фак-

тически отличается лишь ббльшим цинизмом и откровенностью относительно окончательных целей «перестройки» и права использования для этого *всех* возможных средств.

Представляется также, что нормальный человек, в сознании которого еще не произошло смешения всех ценностей и ориентиров и для которого еще актуальны идеалы человечности и справедливости, не может принять ни неомальтузианскую перспективу развития, ни эзотерико-фашистскую, отражающую стремление разрешать труднейшие проблемы быстро, решительно и без оглядки на нравственные законы, руководствуясь лишь сугубой прагматикой. Подобные варианты в особенности не могут быть приняты сознанием, воспитанным на традициях, например, классической русской философии с ее идеалами справедливости и религиозной идеей общего спасения: подобные идеи не нашли бы в нем психоэмоциональной и нравственной почвы, ибо не может быть принято то, что с традиционно-гуманистических позиций представляется несправедливым. А кроме того, само по себе выживание еще не означает гарантии улучшения, ибо человек, *просто* выживший, но не изменившийся, не преобразенный в своей душе, отнюдь не застрахован от того, что ему всё равно очень скоро опять придется искать пути выживания.

Реально среди множества самых разных проектов, теорий, концепций глобального переустройства мира выступает вполне осязаемая исходная *альтернатива*: либо 1) частичное выживание, осуществляемое за счет принесения в жертву интересов или даже самого существования тех или иных стран, народов, социальных слоев; либо 2) общее выживание, но за счет столь же общей *смены парадигмы* всего социального бытия и принятия новой (достойной собственно человека и собственно человеческой жизни) стратегии поведения человека в мире.

Так, социальные модели, создаваемые лишь на принципе материального благополучия, которое в настоящее время и в настоящих условиях невозможно *для всех*, фактически оказываются антиутопиями, узаконивающими эгоизм, произвол и несправедливость; они могут быть реализованы лишь с помощью обмана, осуществляемого всей мощью информационного давления, либо с помощью какого-то иного способа принуждения, осуществляемого во всё более тотальном масштабе и всё более изоциренной фор-

ме. Неравенство, оправдываемое целесообразностью, неомальтузианство, информационно тщательно прикрываемое «защитой рационального расчета», мещанский индивидуализм, выдаваемый за обретение свободы, и т. п. порождают внутренний, порою не осознаваемый протест в том слое сознания, который традиционно именуют совестью. Всем хорошо известны слова: сон разума порождает чудовищ. Но каких же чудовищных монстров оказался способен породить *сон совести!*

В любом случае без специальных мер подавления устойчивость существования подобной системы невозможна во временной перспективе. О слишком резко выступающем неравенстве положений и возможностей писал еще Аристотель, усматривая в нем главную причину возмущений: «вообще для достижения равенства и поднимается возмущение»². О том же писал и Т.Гоббс в своем «Левиафане». Другое дело, что прогресс в развитии средств уничтожения и подавления, усовершенствование вооружения и т. п. могут создать неведомые прежде возможности деспотического властвования и подавления всякого сопротивления однажды установленной власти. «Самый неограниченный деспотизм в примитивных условиях жизни, – пишет С.Л.Франк, – был и умеренным, и шатким по сравнению с всеобъемлющим и непобедимым могуществом тиранического деспотизма в современных “тоталитарных” государствах»³.

В то же время, при всем нежелании народов приходиться к «общему знаменателю», исходить человечеству всё же придется из необходимости и неизбежности объединения. Единое человеческое сообщество складывается не искусственно-насильственно, а естественно и реально, в соответствии с процессом осознания глобализации проблем и развивающимся глобальным мышлением. Как общество, по словам В.С.Соловьева, есть дополненная, или расширенная, личность, так и глобальное сообщество людей, определяемых единством общего происхождения, единством слова, не упраздняемым множественностью языков, единством всемирной истории, вне которой нет и истории национальной, явится естественным результатом расширения истории отдельных стран и народов⁴. О возможности слияния отдельных цивилизаций в единую мировую цивилизацию на основе религиозной интеграции писал известный английский историк и культуролог А.Тойнби; появле-

ние в будущем общемировой цивилизации с коллективным общепланетарным разумом считал возможным синергетически ориентированный отечественный эколог Н.Н.Моисеев.

Таким образом, объединение человечества рассматривается как неизбежное и необходимое, если в складывающемся мировом сообществе вместо унификации и подавления сможет быть сохранено *разнообразие* на основе соблюдения справедливого *равенства* и равноправной *многоцентровости*. Равенство и разнообразие – сочетание этих требований есть само условие выживаемости и эффективности всякого общества; в той же мере данное требование применимо и к мировому сообществу, для которого так же стали бы провоцирующим к его деградации фактором происходящие ныне гомогенизация общества и массификация человека. Поэтому чрезвычайно важно, на какой основе осуществится объединение и каким станет это объединенное человечество, какие идеи и ценности оно будет исповедовать, чем согласится поступиться ради *общего* выживания.

В данной ситуации неизбежно возникает вопрос: почему в определении ориентиров построения будущего именно западному опыту придается статус универсального? Разве это действительно столь обнадеживающий опыт и столь привлекательное будущее? Ведь известно, что в США, например, около трети населения страдает такими заболеваниями, как шизофрения, психопатии, тяжелые формы неврозов, а доля населения, находящегося в тюрьмах (в основном это негры и выходцы из стран Латинской Америки – несмотря на всю провозглашаемую толерантность и политкорректность), больше, чем в любой другой стране мира. Есть опыт иных культур, иных цивилизаций, иных способов решения проблем – опыт традиционных культур, история которых не ограничивается тремя сотнями лет, а насчитывает тысячелетия. Кто решал за каждую из «глобализуемых» стран вопросы, касающиеся возможности соблюдения их национальных интересов и сохранения своеобразия их национальных культур? Каков будет характер этого нового, в объемах всей планеты, тоталитаризма? Не обеднит ли это человеческую культуру в целом? И, тем самым, не подорвет ли сами основы существования человеческого общества как такового? Не является ли замена реального культурного многообразия идеей так называемой поликультуральности утратой опор разви-

тия, лишаящей его экзистенциальной устойчивости? Стоят ли те цели, ради которых затеян мировой передел, чтобы во имя этих целей государства теряли свою культурно-историческую идентичность? Не станет ли это, в конечном счете, конструкцией на песке, химерой, существование которой никогда не бывает стабильным, а срок жизни долговечным?

Представляется, что и человеку ближе, и в принципе надежнее оказался бы иной проект, учитывающий особенности, недостатки и достоинства каждого конкретного народа, способного внести свой вклад в многообразие и многоцветие картины человеческого будущего, качественно обогатить его. Данная позиция не есть проявление какой-то национальной гордыни, в чём всегда подозревают русских, которые неизменно рассматривают содержание своей истории как богопризванность, а себя как народа-богоносца. Однако, по свидетельству Ф.М.Достоевского, это не заносчивость, но как бы острее, чем, может быть, другими, ощущаемое несовершенство мира и одновременно интуитивно чувствуемое за собой обязательство вернуть человечеству утраченную гармонию (ведь народ, полагает Достоевский, это не то, что он думает о себе, а то, что о нем думает Бог). Что же касается участия в западных проектах, то еще И.Г.фон Гердер предостерегал русских от втягивания их в «европейскую суматоху», ибо они по душе своей скорее восточные люди, скорее неторопливые традиционалисты, чем спешащие рационалисты-западники. «Один большой порядок» удобнее только с точки зрения управления социальным мегаорганизмом, в котором свободу заменят либеральные ценности, а также для беспрепятственного функционирования транснациональных корпораций, которым удобнее единое унифицированное пространство для организации либерального рынка с едиными законами. Но толпа людей-атомов, порожденных омассовлением современного общества и воплощающих силы социальной и культурной энтропии, породит новые, специфические проблемы, угрожающие контуры которых проглядывают уже сегодня. Если такое общество не будет организовано действительно привлекательными и здоровыми (в плане всестороннего выживания) целями, то его объединенная энергия, не реализованная в творчестве, в созидании, будет направлена на разрушение, на войну каждого против всех, и эта война может продолжиться до последнего человека.

Итак, возможна ли альтернатива, противостоящая существующим либеральным моделям рыночного «нового мирового порядка» или квази-демократическим идеям глобализации и на какой основе возможна реализация подобной альтернативы? Представляется, что речь фактически должна идти не просто о предложении какой-то новой концепции и разработке соответствующей стратегии, но о смене всей прежней парадигмы взглядов на будущее развитие человечества, которая была основана на сложившемся понимании прогресса, успеха, линейно-количественного развития. Эта принципиально иная парадигма развития приняла бы за основу истинную природу (в ее константах и возможностях развития) человека на Земле и предназначение его в Космосе. Опорой этой парадигмы должна стать качественно новая стратегия отношений с миром, основанная на активной разработке и вводе принципиально иных технологий, а также форм и источников энергообеспечения. Новые альтернативные источники энергии действительно необходимы, поскольку атомные дают радиационные отходы, а тепловые выбрасывают углекислый газ, способный вызвать деформации климатических условий. Человек в современном производстве создает слишком много отходов, нарушая тонкий природный баланс и способность природы к самоочищению и самовосстановлению; специалисты высчитали, что предел устойчивости жизни на планете превышен на порядок, т.е. вместо 1 % природных ресурсов в соответствии с нормой, мы потребляем 10 %, не позволяя биологическому «контексту» естественным образом восстановиться. Слова Ж.-Б.Ламарка, что человечество действует так, будто его назначение уничтожить свой род, предварительно сделав Землю не пригодной для обитания, справедливы сейчас, как никогда. Поэтому реализуемая стратегия в качестве одной из обязательных целей должна быть направлена к тому, чтобы обеспечить человеку должное *качество жизни*: безопасность, здоровье, наполненность существования и, в конечном счете, удовлетворенность им.

Таким образом, в числе основных аспектов организации глобальных социальных стратегий необходимо должны выступать материально-энергетическая, эколого-биологическая, экономическая, социокультурная составляющие, обеспечивающие основу хозяйствования и обмена, возможность выживания и сохранения

здоровья населения и т. п., а в современном контексте к ним добавляется также информационная, поскольку информация становится и основным достоянием общества, и средством регуляции и управления его жизнью. Включение информационной составляющей в число жизненно важных для обеспечения функционирования современного общества факторов указывает на возрастающую роль содержания общественного *сознания*, тех условий, которые его задают и определяют; построение любых проектов без учета содержания и динамики общественного сознания становится бесперспективным, а их обсуждение беспредметным.

Контекст современного общества характеризуется значительной динамичностью и непредсказуемостью изменений, а также одновременным существованием целого ряда самых разных факторов и равноправных, но разнонаправленных тенденций. Наряду с существованием механизмов чисто рыночного типа, которые не являются единственно возможными в эволюции сложных систем, существуют и иные пути, способные обеспечить многократное сокращение временных затрат и материальных усилий. Гибкий учет новых реалий, умение предвидеть или просчитывать ближайшие и отдаленные перспективы развития общества и происходящих в нем изменений, способность определить и сформулировать задачи управления обществом и оптимизации этого управления, знание законов организации общества, обеспечивающих его бескризисное функционирование, – всё это составляет необходимое, но не достаточное условие для построения общества, способного к существованию, выживанию и развитию с минимизацией возможности катаклизмов.

При выборе стратегии она обычно оценивается в определенном мировоззренческом пространстве, задающем основы и критерии этой оценки, что образует своего рода метафизические координаты, позволяющие «расположить» и выявить действительное содержание и действительный смысл реализуемой стратегии. *Мировоззрение*, таким образом, выступает и отправной точкой способа деятельности, ее мотивом и стимулом, и в то же время – продуктом состояния сознания, складывающегося в результате определенной социальной практики, определенного социального опыта. В самом общем виде мировоззрение, этот комплексный феномен сознания, может быть определен как совокупность взглядов, представлений,

установок, норм и ценностей, которые опредмечивают способ восприятия мира и совокупность социальных и индивидуальных модусов поведения в нём.

В свою очередь, *стратегия* – это система социально обеспеченного поведения и отдельного человека, и общества в целом в направлении тех векторов, которые признаны стратегически важными для существования, сохранения и развития общества (человечества). Это система действий, направленных на жизненно важную цель и имеющих ценностное обоснование (оправдание). Таким образом, мировоззрение задает общественную значимость и ценностное основание стратегии, стратегия же (в организации содержания порядка действий, направленных на достижение заявленных целей) исходит из определенной мировоззренческой установки и, в свою очередь, формирует систему норм, представлений, ориентаций. Игнорирование этой стороны проблемы приводит к исчезновению или искажению перспективы деятельности, размыванию или подмене ее цели. Никакая самая совершенная социальная технология не будет успешной, если в ее системе интересов и целей утрачен человек с его *собственной перспективой* развития.

Что касается технического обеспечения управления обществом (если ставится цель сохранения его истинно, а не мнимо демократических основ) и иницируемые в нем процессами, то здесь возможно использование разных альтернатив, в том числе, например, применение так называемого интерактивного управления с помощью современных средств связи. Специализированные комитеты по отраслям предлагают свои программы, за которые население голосует (либо нет). Этот демократический способ учета не только объективных изменений ситуации, но и общественных настроений способен помочь конкретной корректировке реализации программ в самых разных областях, если, конечно, удастся в достаточной степени гарантировать невозможность использования подобных методов и технологий для манипулирования общественным мнением. В теоретической разработке методологических основ управления можно использовать общие подходы, разработанные в современной синергетике, не забывая, конечно, что к сознательно действующей социальной среде принципы самоорганизации применимы только со специальными оговорками. Синергетика предлагает разработку альтернативных эволюционных

сценариев, исходя из наличия точек бифуркации в развитии всякой системы, утверждает, что будущее способно влиять на настоящее, чем подтверждается необходимость иметь перспективные планы и идеалы, относящиеся к будущему. Синергетика формулирует принципы, применимые к управлению и социальным развитием, и экономикой, утверждая возможность управления переходными процессами при прохождении критических «зон» в ходе реструктурирования системы для минимизации риска тупиковых ситуаций. При этом главная проблема заключается в том, как малым резонансным воздействием подтолкнуть систему на один из собственных и благоприятных для субъекта (в данном случае коллективного) путей развития, как обеспечить *самоуправляемое и самоподдерживаемое развитие*.

Попытка создать картину будущего общества, построенного на основе его развития через развитие самого человека, который получит возможность реализовать свои истинные потребности и восстановить свою изначальную природу, была предпринята в философских работах Г.Маркузе, считавшего, что именно в таком обществе человек действительно становится свободен и способен осуществить себя в творчестве. В свою очередь, идея здорового общества, где ни один человек не превращается в средство для другого, а сам есть ценность и цель, проводится Э.Фроммом в его работе «Пути из больного общества»⁵. В таком обществе каждый получает возможность для развития собственных сил и способностей.

Разумный и справедливый порядок, таким образом, определяется тем, что он «в максимальной мере благоприятствует осуществлению идеальных высших начал человеческого бытия в условиях, вытекающих из несовершенного состояния мира»⁶. Установление высоких нравственных понятий, ответственное поведение, следование правовому порядку, характеризующие подобного человека, совершенствуют и общий порядок человеческой жизни, и образуют процесс, который можно назвать коллективным самовоспитанием человечества. «В плане длительного и прочного бытия уровень общественного порядка стоит в функциональной зависимости от нравственного уровня людей, его составляющих»⁷, – констатирует С.Л.Франк. Таким образом, то, что в концепции «нового мирового порядка» выглядит лишь управ-

ляемым «материалом», на самом деле выступает *решающим фактором*, качество которого определяет качество и эффективность человеческого сообщества в целом.

И потому, альтернативой системе взглядов, положенной в основу глобализационного проекта, может стать модель, в центре которой стоит человек, и все реализующие ее средства и меры ставятся в зависимость от его возможностей и, что важно, доверия к ним. Иначе говоря, предлагается в человеке видеть в основном не темные стороны его души, а именно то лучшее, что и определяет его как «образ и подобие Божие», и апеллировать именно к этой светлой и высокой стороне его природы. Кроме того, человеку нужна сверхцель или сверхзадача, которая, будучи сформулирована, собирает, аккумулирует, фокусирует энергию в едином направлении. Иными словами, нужна *идеологическая установка*, которая была бы способна объединить и организовать все отдельные, частичные усилия человека.

Человеческая история дает немало примеров того, как общество достигает наибольших успехов как раз в тех случаях, когда перед ним выдвигается именно сверхцель. При этом в качестве сверхцели может быть выдвинута только высокая цель (как в свое время по поводу предмета искусства говорил Д.Рескин, девушка может петь об утраченной любви, но скряга не поет о потерянных деньгах), действительно достойная человека по самому высокому «гамбургскому счету». Такой целью в этом смысле вряд ли может стать рост благосостояния или потребления. Действительная цель должна лежать в сфере истинной природы человека и истинного его предназначения во Вселенной. И эта цель, как мы помним, была сформулирована в духовно ориентированной философской мысли. Это восстановление целостности и гармонии мира, творчество, красота. И такие цели в полном своем масштабе и значении могут быть реализованы действительно только всем человечеством как единым планетным организмом.

В выстраиваемой новой стратегии должна предусматриваться вся совокупность поведения человека в мире, новая стратегия его отношений с природой, перевод их на новые начала. Необходимы изменение приоритетов и переоценка ценностей, изменение самого образа мышления. Иными словами, необходимы как выработка новой системы *базисных ценностей*, так и достаточно основатель-

ное изменение самого человека, его своего рода преобразование, каким бы утопическим ни выглядело данное условие. И в этой связи следует еще раз подчеркнуть, что потребительство как основной способ отношения человека к миру по сути давно исчерпало себя, что внешне направленная хищническая экспансия, долгое время составлявшая основное содержание человеческой деятельности, должна быть заменена другими формами взаимодействия с природой и другим способом самого социального бытия.

Сформулированный Н.Н.Моисеевым так называемый экологический императив, требующий сохранения единства человечества с природными условиями его существования, – не только условие адекватного нравственного самочувствия, но и необходимая составная **нового мировоззрения** человечества, которое рассчитывает выжить. Таким образом, необходим пересмотр всех прежних методологических оснований жизнедеятельности общества, сложившегося типа природопользования и соответствующих технологий, которые сделали очевидной невозможность дальнейшего существования индустриальной цивилизации с ее характерными чертами. В то же время переход к *постиндустриальной* фазе развития общества также не принес никаких изменений к лучшему: по-прежнему продолжается привычная политика истребления ресурсов ради сохранения существующих (хотя и не для всех) высоких стандартов потребления. Для стран «золотого миллиарда» оно остается сверхпотреблением, под которым подразумевается уровень потребления материальных благ и услуг, превышающий необходимый и достаточный для самореализации и развития сущностных (атрибутивных) качеств человека. Идеология же потребительства не только транжирит ресурсы (иногда невозполнимые), но и развращает общество, искажает его психику, направляет общественную энергию на преходящее, на вещи, а не на творчество и совершенствование. Необходимо понять, что во многих отношениях рост материального потребления никак не есть рост *всеобщего блага*.

Излишнее само по себе, как считали мудрецы с древних времен по настоящее время, не безвредно и даже не нейтрально. Ведь именно обслуживание, например, фактически ненужных производств, функций, отношений, работающих для удовлетворения ненужных потребностей, больше всего ухудшает в настоящее время экологическую ситуацию. В экофильно настроенной

японской эстетике существует даже правило: «излишнее – безобразно». В той же парадигме в качестве «первого эколога» рассматривается и Иисус Христос, а в самом христианстве отыскиваются контуры идеального единства с природой, исходного библейского Эдема. В так называемой персоналистской экологии проблема сотрудничества с природой, забота о ней приобретают религиозное измерение: христианская любовь расширяется на природу как на объект подобной любви – вопреки утвердившемуся в традиционном христианстве несколько пренебрежительному взгляду на природу как на нечто низкое, косное, неодоухотворенное и даже противоположное духу. «Я» при этом не растворяется в природе и не противостоит ей, но как бы «возглавляет» ее, берет под свое покровительство и руководство. В свою очередь, другое направление в экологии, так называемая глубинная экология, призывает изменить саму структуру нашего сознания в направлении включения всего мира в поле нашего «я»: человек начинает мыслить категориями целостности, не отделяя себя от мира, не мысля своей отдельности от него.

Можно сказать, что в новой парадигме отношений человечества с миром речь идет одновременно о двух взаимосвязанных типах экологических проблем: экологии *внешней* природы и экологии *внутренней* природы самого человека, т.е. забота о его душе, о сохранении целостности и гармонии его внутреннего мира. Новая экологическая культура потребует для своего утверждения сознательных усилий и отдельного человека, и мирового сообщества в целом. Мысль о том, что невозможна *неограниченная* экспансия в *ограниченном* мире и что невозможно безгранично наращивать производство при ограниченных мировых ресурсах, должна, в идеале, осознаться *каждым* человека и стать основой практического действия при составлении планов развития мирового хозяйства. Здесь весьма плодотворным мог бы оказаться идущий все более активно культурный диалог между традиционными восточной и западной культурами, а также соответствующими типами мировосприятия. Ценности традиционных восточных культур и свойственный им вектор деятельности, направленный внутрь, – на самовоспитание, самосовершенствование и самоограничение, – должны облегчить процесс перехода на новую парадигму, поскольку в рамках, например, традиционной японской культуры тип экологического поведе-

ния человека представлен в сложившихся и эффективно действующих формах, закреплён в искусстве и в системе соответствующих светских и религиозных ритуалов.

Наряду с проблемами экологии (хотя они и являются наиболее важными с точки зрения перспектив человеческого выживания), существует целый ряд других проблем, от решения которых будет зависеть способ и качество человеческого бытия и человеческого мира. Речь фактически идет о формировании новой современной культуры, которая будет определять и характер поведения, и тип рациональности, и способ ощущения себя человеком в мире, включающий формирование новых образцов и норм культурно-этического поведения. Новая парадигма, таким образом, должна не только обеспечить новую стратегию *поведения* человека в мире, но и определить ее *мотивацию*. Характер же мотивации определяется *ценностями*, и ценностная составляющая является, по сути, определяющей стороной парадигмы.

В целом можно сказать, что эта парадигма должна заключать в себе следующие составные моменты. *Во-первых*, она должна иметь четко выраженную ценностную сторону, опирающуюся на восстановленное в правах понятие *идеала* как обозначения предельной ценности, имеющей стимулирующий и организующий характер. Так, при оценке нового имеют значение не только собственные качества предмета, но их сравнение с некоей системой отсчета, в том или ином виде (образа, нормы и т. п.) представленной в культуре. Этот уровень парадигмы задает сознанию содержание и характер освоения мира, осмысления его, отношения к нему. Представляется необходимым – в целях экологии самого человека – восстановить в правах традиционный идеал целостного, гармоничного человека в возможности его самостоятельной духовной жизни, не поглощаемой целиком жизнью общества. Наряду с восстановлением прежних, возможно формирование новых идеалов, которые обозначили бы новые рубежи развития в системе «человек–мир» и были способны определить общие социетальные нормы и ориентиры.

Во-вторых, новая мировоззренческая парадигма должна подразумевать восстановление «вертикального измерения» человеческой жизни, т.е. вектора *духовности*, отнюдь не совпадающей с нынешней *модой* на религиозность. Восстановленная в правах реальность трансцендентного позволит в истинном масштабе увидеть

идеалы и ценности общества потребления, создав необходимую систему координат, в которой бы мог быть осмыслен не только мир «материальной плоскости», но и мир духовных человеческих и надчеловеческих смыслов бытия. Возможно, расширение перспективы видения целостного многомерного мира позволит человеку осознать наличие не только аксиологического плана духовности, но и онтологического плана духа.

В-третьих, безусловным требованием к новой парадигме должна стать необходимость для человека *сознательно* относиться к познанию себя и мира. Что касается себя, человек должен правильно представлять истинную свою «меру», т.е. исходить из собственной человеческой природы и *истинных* человеческих потребностей, отличая их от искусственно сформированных псевдопотребностей. Навязывая природе свой язык, свои мерки, мы забываем о самоценности природы и мира. От прежней установки, когда нас интересовало лишь то, что могут дать *нам* природа, земля, мир, мы должны перейти к позиции, в которой должны оценить то, чем они являются *сами по себе*. Человек должен перейти от привычного эгоцентризма на позиции действительно человеческой культуры, под которой подразумевается обогащение, усложнение, уточнение *отношений* с миром, а не форм его эксплуатации.

Таким образом, предлагается модель **«разумного оптимума»** с элементами системы **мобилизационного** (преимущественно в культурном и психо-духовном смысле) типа. Она отнюдь не содержит завуалированного призыва вернуться назад в пещеру, но означает признание необходимости от *максимального* потребления перейти к потреблению *разумному*, предлагает возврат к исходным и истинным человеческим ценностям, истинному человеческому бытию, истинному развитию самого человека, его *истинной* природы (всему, что было утрачено, забыто, даже осмеяно в погоне за призрачными ценностями общества потребления). От экстенсивного хозяйствования, направленного не столько даже на потребление, сколько на истребление природных ресурсов (отсутствие ресурсосберегающих технологий, крайне нерациональное производство и использование), человек должен обратиться к развитию собственных возможностей и способностей, актуализации своих скрытых внутренних резервов. Действительный прогресс общества всё более будет определяться

не количеством добытого угля или выплавленной стали, не потребленным на душу населения количеством обуви или масла, а творческим потенциалом личности и способностью общества создать условия для полнейшей его реализации.

Стратегия «разумного оптимума» предполагает как бы соединение *потребительского минимума* (на обоюдном приемлемом уровне «нагруженности» отношения между человеком и его совокупным окружением, в особенности природой) с *творческим максимумом*, с раскрытием творческих потенций человеческой природы. Истинный смысл и содержание развития могут быть раскрыты лишь в реализации и развитии потребностей истинных, в которых обнаруживается и раскрывается подлинная сущность человека. Только на этой основе человек может перейти от **выживания** к собственно **развитию**.

Современная цивилизация потребителей навязывает человеку часто неадекватные его природе количество и состав потребностей, которые искусственно фабрикуются и подогреваются рекламой, торговлей, модой. Последние, кроме того, всё шире навязывают и искусственные способы удовлетворения естественных потребностей или же способы удовлетворения их, нарочито усложненные техникой, нередко потакая извращенным вкусам. Производство избыточного, ненужного человеку и обществу разоряет природу, а потребление его становится балластом в существовании человека, отвлекая его внимание и силы от истинного бытия, уводит его от истинного человеческого предназначения в сферу погони за фикциями. Спасенные природные *ресурсы* и спасенное человеческое *время* могли бы быть обращены на создание подлинного общественного богатства, на человеческое развитие, на достойную, качественную человеческую жизнь. Это значит, что человек должен осознать действительные свои потребности – те, что не разрушают и не затемняют его истинную природу, а соответствуют ей и способствуют ее проявлению и развитию. Можно сказать, что в контексте пересмотра всех представлений и ценностей, в соседстве самых несовместимых убеждений, постоянная и истинная человеческая природа остается единственной несомненной *константой*. Утверждают, правда, что ее не существует, ибо человек всё время меняется. Меняются, однако, лишь проявления, но не сама основа; так, в разных обстоятельствах и в разные воз-

растные периоды человек выглядит весьма по-разному, но это не означает, что он перестает быть собою, становясь кем-то другим: его постоянная личность остается основой его *идентификации*. И природа человека как некая «программа» осуществления его в качестве некоего особого бытия во вселенной остается в принципе тождественной сама себе, хотя и может (должна) развиваться и совершенствоваться. Она может раскрываться новыми гранями, выступать в новых своих проявлениях, но она остается для человека неизменно исходной и актуальной точкой отсчета, пока существует он сам. Удовлетворение потребностей, лежащих в природе человека и определяющих ее развитие, не ставит человека в непримиримую оппозицию к природе планеты, а позволяет им стать сотрудниками в совместном коэволюционном движении.

В итоге, как представляется, подобная общая парадигма развития позволяет сформировать действительную альтернативу концепции устойчивого развития для «золотого миллиарда» во всех главных параметрах стратегии. В плане *экологическом* она означает сбережение сырьевых ресурсов и сохранение чистоты планеты. В плане *экономическом* эта стратегия позволяет избегать нерационального растрачивания труда и неравномерного распределения богатств, добытых обществом, избежать направления финансовых потоков в паразитические сферы обращения. В плане *экзистенциальном* это обозначает духовно-гуманистический вектор развития и совершенствования природы человека как вида и его перспектив как рода, что в *идейно-аксиологическом* отношении выдвинет на передний план настоящие ценности и приоритеты (истина, добро, красота, любовь, познание, творчество) и действительные большие идеи (реализация человеческого предназначения, космическая ответственность) вместо квазиидей и псевдоценностей.

Альтернативой планетарному «новому порядку» с его ориентацией на моноцентричность и заложенной в самом проекте энтропией станет действительная, а не мнимо-ложная сложность существования, разнообразие форм и структур вместо содержательного однообразия массового общества, его неразличимой однородности. Иными словами, это будет структура движения, развития – живой порядок ритма, возможного в полицентрической системе. Переключение интереса с погони за ускользающим и преходящим материальным на вечное духовное, развитие которого не имеет

пределов и по сути бесконечно, в подлинном смысле освободит человека и прояснит его аутентичную экзистенциальную перспективу. Представляется, что это, по сути, единственная реальная стратегия для выживания и развития всего человечества, ибо данная альтернатива опирается на внесение организации, структуры, гармонии во все уровни общественного организма. Как далеко может завести хаотизация социокультурных отношений, показывает современная ситуация в культурной сфере, где господствует постмодернистское неразличение ценностей, смешение норм, химеризация смыслов, с одной стороны, и ценностная неразборчивость и всеядность, смысловая недифференцированность масскульта, с другой.

Представляется, что в предлагаемом случае будет сохранено тонкое равновесие, гомеостаз человека и мира на эко-, био-, социо-уровнях. Вложение же необходимых средств будет происходить на уровне причин (что более разумно и экономически эффективно), а не в исправление следствий. При этом будет осуществляться единое, оптимизированное и разумное управление, которое на основе ответственности и творческого подхода определит гибкое состояние стабильно-нестабильного развития: неустойчивость в регулируемых пределах, когда она стимулирует развитие, а не разрушает его возможность, при сохранении ограниченного диапазона допустимых отклонений. Сама ответственность должна распространяться не только на социум, но и на мир в целом, ибо человек обязан сохранить не просто свою жизнь, но Жизнь во всем ее многообразии. Кроме него это сделать некому.

Здесь, естественно, возникает сомнение в осуществимости подобной альтернативной стратегии: не является ли она очередной утопией, которая не лучше других... Даже если, во-первых, стратегия «разумного оптимума» есть утопия, то это все-таки не *антиутопия* «золотого миллиарда». Во-вторых, если «новый мировой порядок» может быть реализован только принудительно (будет ли это «мягкий вариант», т.е. путь информационного понуждения, «жесткий вариант» – путь прямого силового диктата, либо сочетание того и другого), то стратегия разумного оптимума принуждением любого рода как раз реализована быть не может в принципе: человека нельзя *заставить* быть сознательным и ответственным (это задача воспитания, а не управления). Безусловно, реализация подобной стратегии может столкнуться с определенными трудностями. Так,

необходимость ограничения потребительства каждого отдельного человека ради спасения всех встретит сопротивление идеологов либеральных ценностей, утверждающих индивидуальную свободу как единственное основание общежития. Однако неограниченная индивидуальная свобода в хозяйственно-экономической сфере связана с крайним эгоизмом и ведет к неизбежному подавлению слабых сильными, т.е. к другой несвободе. Столь же трудно ожидать, что все и сразу, легко и естественно смогут отказаться от благ потребительской цивилизации, даже если и осознают реальную опасность катастрофы. Утрата возможности удовлетворения «растущих материальных потребностей» должна быть компенсирована замещающим развитием потребностей духовных. Следовательно, как уже говорилось, необходимо изменение всей **ценностной парадигмы** человечества, когда возможность выживания *всех* ставится выше возможности *отдельного* человека удовлетворить *все и любые* свои потребности⁸. Таким образом, в практической плоскости речь идет о путях укоренения нового мировоззрения и системы новых этических представлений и требований.

Действительно, нельзя создать, тем более учредить благополучное и развивающееся общество тем или иным искусственным путем, но можно сформировать и воспитать людей, которые построят такое общество. Поэтому центром стратегий, особенно в настоящее время, когда обнаруживается истинное значение субъективной *воли* человечества как решимости не угадывать, а строить собственное будущее, становится человек. Человек – непреходящее условие, фактор, средство и цель развития общества, и потому действительное развитие возможно лишь через самого человека, через расцвет его природы, а не через ее деградацию. Именно инвестиции в человека есть наиболее выгодный для государства современный вид капиталовложений. Так, например, Южная Корея, вложившая в создание инженерного корпуса огромные средства, вполне смогла составить технико-экономическую конкуренцию Японии, которая раньше всех уловила эту тенденцию и освоила ее, добившись всем известных успехов.

В целом предлагаемую альтернативную *модель* развития можно назвать **восстановительно-конструктивной**: это и будет означать возврат к истинной природе и творчество нового бытия, основанного на творческом отношении к миру и обществу, когда право

одних на преимущество жить и владеть осуществляется не за счет других, а за счет новой *организации всей системы*, исключающей разрушительные напряжения, непоправимые дисбалансы и диспропорции. Подлинная цель развития – не в более высоких технологиях (это лишь инструмент на определенных этапах развития), а в более высоком уровне понимания и воплощения смысла – мира, жизни, развития. Устойчивость мира и устойчивость развития могут быть обеспечены не за счет обеднения содержания жизни и культуры, а за счет создания дополнительных *полюсов* структурной и культурной организации, что сделает развитие многоосновным, многоопорным, поистине устойчивым.

Перед лицом множества опасностей, угрожающих Земле (экологических, космических и пр.), человечеству для выживания действительно необходимо объединиться, но избранная для этого основа должна быть адекватной и приемлемой. Подлинное развитие есть развитие сбалансированное, гармонизированное, достижимое на основе не хаотизированной, недифференцированной и атомизированной человеческой массы, а на основе определенной структурной гармонии, когда не каждый воюет против всех, а все – за каждого, в стремлении восстановить истинные ценности бытия, обеспечить подлинное качество человеческой жизни. Согласие на несправедливость, ее принятие необратимо развратит душу, и тогда всякое развитие, в конечном счете, окажется лишь миражом, который, при сближении с ним, обнаруживает свое отсутствие.

И поэтому в плане эсхатологической перспективы две разные стратегии представляются стратегиями разного порядка: если концепция моноцентричного глобализированного мира, обеспечивающая глобализационный проект, содержит эсхатологический прогноз «на ноль», ибо она «освободилась» от всех метафизических идей и ценностей, которые и делают человека из животного именно человеком, то концепция творческого развития имеет реальные перспективы, ибо опирается на ценности, которые исходно человечны и принципиально не исчерпаемы. Поэтому все внешние концепции развития представляются неподлинными, выстроенными на краткосрочных, но преходящих выгодах, это всякий раз не столько стратегия, сколько временная тактика узкосоциального масштаба; альтернативная же ей концепция – подлинно стратегична в планетарном и космоэволюционном плане. Только стратегии,

опирающиеся на константы истинной природы человека, позволяют уверенно определять судьбу человечества, выступающего фактором планетарного масштаба.

Итак, мы приходим к выводу, что все социальные технологии и проекты, основанные на любом механическом подходе к решению проблемы выживания человечества и спасения мира, все утопии «цивилизованного капитализма» и т. п. окажутся фактически антиутопиями, если они игнорируют природу человека, оставляя в стороне собственные возможности человека и ресурсы, которые открываются в случае адекватной организации отношений человека с миром, при внимании человека опять же к правильно понятой им собственной природе. В эпохи тотальных пересмотров всех ценностей и ориентаций единственно надежной остаётся лишь опора на самую устойчивую и постоянную величину – *человека*: его силы, способности и возможности, его сущность, *константы истинной его природы*.

При этом человек, через которого как гаранта стабильности может быть обеспечено действительно устойчивое, т.е. гарантированное как во времени, так и в успехе содержательных процессов развитие, должен формировать себя в двух планах: становясь достойным и всесторонним *субъектом* отношений с миром, поскольку внести в мир он может ровно столько, сколько имеет в себе, и одновременно делая себя состоятельным *объектом* отношения к себе мира, равноправным действующим фактором в единой системе «человек–мир». При этом человек способен понимать и осуществлять свою миссию на Земле как вида и как рода, организующего и одухотворяющего ее. И это, наконец, некий космопланетарный вектор, который определяет само предназначение человека в качестве разумной, самоосознающей жизни и ответственной воли.

При этом сам человек также представлен как бы несколькими «слоями». Внутренним, константным слоем выступает его сущность, его природа, которая мыслится идущей от Бога. Эта его трансцендентальная сторона (божественная природа), проявляемая через человеческую личность, которая живет и развивается во времени и пространстве, выступая совокупностью ее характеристик и свойств, реализуемых во всесторонней деятельности человека. И, наконец, изменчивый и непостоянный слой ролей и функций, которые человек выполняет исходя из социально-временной «конъюнктуры», слой, наиболее подверженный модификациям со

стороны воздействий «контекста». И, если материальные условия жизни в основном создаются в расчете на самый внешний слой, то ориентиры и ценности должны выдвигаться в соответствии с «божественным» уровнем человека, иначе линия его развития окажется направленной не в сторону развития и улучшения его человеческого «качества», но в сторону его ухудшения и просто забвения истинного места и предназначения человека на Земле. И уже не внутренний слой будет определять необходимый человеку на данный момент набор социокультурных качеств и свойств, но поверхностный социальный слой будет угрожать затопить слой внутренний и размыть его определенность, стереть заложенные в нем программы реализации высших смыслов.

Представляется, что ни выживание человека, ни реализация глобальных экологических программ невозможны без этой «духовной экологии», имеющей отношение к самому исходному, *причинному* уровню бытия человека в мире. Человек *не выживет как вид, если не сможет сохраниться как род*, ведущий свое происхождение из метафизически понимаемого начала. *Быть* – во всей полноте своего человеческого смысла – единственное условие избежать катастрофы и выжить. Но и этого мало для реализации своего предназначения. Для этого нужно быть *творческим* и *ответственным*. И истинно человеческое возникает из метафизического, а не физического. Социализм в существовавшем его варианте как раз и проиграл прежде всего идейно, ибо, пообещав воплотить нового человека, он в конечном счете редуцировал этот проект к массовому выращиванию обычного буржуа, которому была обещана перспектива всё возрастающего потребления. Строй проиграл, ибо проиграл *человек*, но не другому человеку, а себе, разочарованному в идеале себя же, обманутого яркими упаковками несуществующих ценностей. Ныне мы видим, как человек внешне-временный уже поглотил человека исходно-метафизического. Само счастье в современном его понимании предстает как обмелевшее и выцветшее состояние, оно, как писал Э.Фромм, «в его нынешнем понимании есть поверхностное состояние пресыщения, а не то состояние, которое возникает при полноте человеческого опыта»⁹.

Сказанное объясняет всю сложность предстоящей работы по выстраиванию концепции «*человек будущий*». Ведь будущее должно создаваться культурной работой, осуществляемой «человеком

настоящим». Создав культуру, как концентрированное выражение своих позитивных усилий по всестороннему устройению и организации себя и мира, человек тем самым включился в противостояние тенденций: к хаосу и деградации, с одной стороны, и к упорядочению, гармонизации, с другой. От сознательного стремления человека усилить своей мощью ту или иную тенденцию может реально зависеть судьба самого мира. Именно потому человек просто обязан – вопреки всему созданному вокруг него контексту бездумия – самоопределиться, самоосознать себя в своей сущности. Как говорил Бозций, что естественно для животного, то не прощительно человеку: для человека незнание себя есть грех. Человек обязан знать, что его потребности, в отличие от потребностей животных, по мере развития общества приобретают всё более человеческие, т.е. облагороженные культурой формы своего выражения и всё более содержательные и одухотворенные способы удовлетворения. Другое дело, что, в отличие от животного, у человека удовлетворение одной потребности способно рождать другую, новую. Но отличие человека от животного состоит еще и в том, что он способен осознать эти свои потребности, сопоставить с возможностью их реализации в развитии и не стать в беспросветную от них зависимость.

Разумная оптимизация подразумевает отказ от ненужного, избыточного, навязываемого человеку извне и ввергающего его в непрестанную погоню за ускользающими фикциями потребления. Очевидно, человеку лучше сделать это самому, сознательно, чем дожидаться, пока «покоренная» во имя его потребностей природа недовольно стряхнет его с поверхности планеты. Поэтому уже сейчас человеку следует переходить к организации своих отношений с миром на основе именно культурного диалога, а не самодовольного монолога, безграмотного диктата миру своих непродуманных «мерок».

Выйдя из порочного круга тупо-победного шествия («от потребности к потребности»), человек мог бы высвободить силы и возможности для развития и реализации всех заложенных в его природе возможностей, осуществив тем самым свое *подлинное бытие*. Подлинной же природой и сутью человека является его творческий дух, утверждающий человека в мире посредством его самовыражения, внесения в мир нового, небывшего, созданного им, человеком. Творчество есть подлинная природа и истинная потребность человека, реализуемая им в свободной творческой деятельности, к которой

нельзя принудить: человек может творить только из внутреннего побуждения, от полноты своих жизненных сил, из стремления не потребить из мира что-то, но привнести в него нечто от себя, прибавить к его бытию полноту проявления своего бытия.

Истинные потребности отличаются от псевдопотребностей тем, что первые имманентны природе человека, имманентны миру, соответствуют цели развития человека и содействуют благу общества. В социально-экономическом смысле эти потребности с полным основанием можно отнести к тем, которые французский социолог П.Греве назвал *рентабельными*: развивая личность, они впоследствии окупаются в процессе деятельности человека, способствуя, в свою очередь, и развитию общества в целом. Таковы потребности в познании, в творческом самовыражении, в красоте. И поскольку нельзя обеспечить выживание человека за счет некомпенсированного сдерживания тех или иных потребностей, следует переориентировать сами установки человека, направив его на духовное развитие. Наличие у человека высших ценностей, стремление к которым порождает истинные потребности, как раз и говорит о некоей «корневой» основе человека, определяющей его обязательства пред миром. «Высшие ценности, – пишет известный американский психолог А.Маслоу, – необходимы нам так же, как витамины и любовь», а «их отсутствие может вызвать у нас болезнь»¹⁰. Он же вводит и понятие метапатологии – болезни, которая возникает при депривации высших потребностей, например, при «нехватке красоты» в уродливом окружении. Особо А.Маслоу как специалиста-психолога интересует метапатологическое состояние бесцельности и бессмысленности, которое он относит к разряду духовно-познавательных болезней, ибо они означают нарушение взаимоотношений человека с миром.

Перед человеком открываются две возможности: восстановление метафизической ценности человеческого бытия или общее ухудшение качества самого человека, внутренне примирившегося с существующим бесценностным контекстом и безидеальной перспективой жизни. Современное рыночное общество действительно, к сожалению, означает тенденцию к ухудшению качества человека, потому что, во-первых, при рынке, становящемся тотальным, выживает не лучший, а просто более сильный, и, во-вторых, разрушается сам *принцип свободы*, ибо человек не может позволить

себе того, что не нужно рынку; сужается диапазон потребного, человек не может реализовать себя, как он того хочет, снижается уровень разнообразия человеческих способностей, заглушается творческий поиск. Кроме того, рынок, в соответствии с собственными законами функционирования и развития, формирует массы и их потребности, результатом чего и становится *снижение* планки человеческого качества: массам потребно простое и понятное, высокое требует усилий и как бы отодвигается на исчезающе дальний план. Идет общее снижение планки ценностей, требований к человеку с точки зрения его высших качеств. Примером тому выступает очевидный упадок высокого искусства и повсеместная замена его развлекательным масскультом, зачастую ориентированным на откровенно примитивные вкусы нового плебса.

Что касается конкретно России и ее места в данном процессе, то ее положение в этом отношении сложно и двойственно. С одной стороны, она традиционно обладает не только огромными природно-сырьевыми ресурсами, но и духовно-творческим потенциалом, наработанным и обеспеченным ее духовной историей. Кроме того, попытки под видом провозглашенного глобализационным проектом размывания национальных границ проникнуть в Россию, овладеть ее ресурсами, сделать полигоном для испытания рискованных технологий, самых грязных и опасных производств (в целях снижения собственного экологического риска для «избранных» стран «золотого миллиарда»), создать контролируемое производство с дешевой рабочей силой, – всё это также встречает определенный протест среди тех, кто считает эту землю своей, кто собирается остаться жить на этих территориях. Поэтому для России проблема альтернативного проекта чрезвычайно актуальна. А в настоящих условиях вариант «разумного оптимума мобилизационно-конструктивного» типа представляется наиболее подходящим. Понятие мобилизации часто связывают с мерами принудительного – в том или ином смысле – характера. Однако из вышесказанного ясно, что здесь не имеется в виду мобилизация подобного «инструментального» порядка: условно говоря, под дулом автомата можно копать землю быстрее, но стать истинно творческим – нельзя. Речь же идет именно о духовно мотивированной метаценностями и метапотребностями мобилизации. Проблема выживания оказывается неотделима от осознания цели

и предназначения человека: не только «как выжить», но и «для чего». А решение этой проблемы, в свою очередь, создаёт основу для дальнейшего развития, которое может быть реализовано только как культурная в широком смысле программа – формирования смыслового и ценностного пространства для развертывания экзистенциальной перспективы человека.

Организовать долгосрочную перспективу деятельности, а не краткосрочный рывок за быстрорастворимым близким результатом можно только на основе возвращения аутентичного смысла слову «идеология». Россия по своему психоментальному строю вообще традиционно чувствительна именно к духовно-идеологическим импульсам и мотивациям: когда перед ней ставится высокая цель, предельно трудная, на грани неосуществимости. Решение такой проблемы означает необходимость формирования новой элиты, которая была бы элитой в подлинном смысле этого слова и к тому же понимала бы, что нет нерешимых задач – если есть воля к их решению. Тем более когда речь идет о выживании, существовании, развитии и достойном будущем своей страны.

Примечания

- ¹ Приведем в качестве примера описанный в книге М.Калашникова и И.Бощенко «Будущее человечество» (М., 2006) проект «черный нейросоц» постсингулярного мира.
- ² *Аристотель*. Политика. М., 1911. С. 206.
- ³ *Франк С.Л.* Свет во тьме. М., 1998. С. 231–232.
- ⁴ См.: *Соловьев Вл.* Соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1988. С. 65, 76.
- ⁵ *Фромм Э.* Пути из больного общества // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- ⁶ *Франк С.Л.* Свет во тьме. С. 191.
- ⁷ Там же. С. 240.
- ⁸ Здесь не мешало бы вспомнить теорию «воскрешения предков» Н.Ф.Федорова, которая при ее утопичности является, тем не менее, идеальным примером совести и чувства ответственности, наличие которых предполагает у человека будущего ее автор. Это теория истинно укорененного человека – в отличие от представления его как бескорневого «перекати-поля», идеализируемого певцом глобализации Ж.Аттали в его книге «Линии горизонта».
- ⁹ *Фромм Э.* Революция надежды. Избавление от иллюзий. М., 2005. С. 139.
- ¹⁰ *Маслоу А.* Цель и значение гуманистического образования // Здравый смысл. 1997/98. № 6. С. 40.